

Коротко о...

Ветхий Завет

Сергей Абдалов

Сергей Абдалов

Коротко о... Ветхий Завет

«Автор»

2026

Абдалов С.

Коротко о... Ветхий Завет / С. Абдалов — «Автор», 2026

Очень краткий пересказ Ветхого Завета в стихотворной форме. Надеюсь, прочитав мой вариант, читателю станет интересно сравнить его с Великим оригиналом.

© Абдалов С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Коротко о... Ветхий Завет

От автора

Эта книга — не священное писание, по которому стоит учиться. Это всего лишь мой грубый и краткий пересказ. Возможно, прочитав его, вы захотите взять в руки оригинал, хотя я ни к чему вас не агитирую.

Бытие, глава 1

День один. В начале — глухо,
Пусто, холодно, мертво.
Только Дух летает тихо
Над пучиною Его.

И сказал Творец Вселенной:
— Да воссияет свет!
Стало так. И Свет нетленный
Засиял на много лет.
Свет был назван Днем отныне,
Тьме оставлено — Ночь.
Это вечер, это утро —
Первой смене дня невмочь.

Был второй. Велел Создатель:
— Будет свод! Разрезал мрак.
Разделил стеною воды,
Сделал всё небесный знак:
Вниз ушла вода седая,
К небу хлынула волна.
Твердью назвалась стена та.
Смена дня завершена.

Третий день настал по счету.
Собрались моря в одно,
Показала спину суша,
Так землею звать дано.
И велел Господь растениям:
— Зеленеите заодно!
Вышли травы из зерёнок,
Дуб поднялся молодой,
Яблоня пустила почки.
Вечер минул, и с зарей
День окончен. С этих пор

На четвертый — свет оконца
Прорубил во тьме густой.

Разместил Господь на тверди
Солнце, месяц со звездой.
Для времен, часов и суток
Назначая чередой:
Солнцу — править белым днем,
Месяцу гулять лучом.
Вечер минул, и с зарей
День закончился, постой!

Пятый день. Река и море
Заселяться стали враз.
Рыбы, чудища большие,
Черепашки напоказ.
А по воздуху помчались
Птицы стаями зараз.
Им сказал Творец-Хранитель:
— Плод несите каждый час!
Вечер минул, и с зарей
День шестой идет сырой.

Шестой день. Сказал Владыка:

— Пусть земля родит скотов,
Змей ползучих и звериных —
Лес волков и тигров кров!
Создал всякого по роду,
Не жалеючи трудов.
И увидел Бог: всё ладно,
Всё на месте, всё к лицу.
И тогда решил особо
Сделать мастера творцу:

— Человека Мы устроим
По подобию Своему.
Пусть владеет рыб морскими,
Птицей, гадом и скотом.
Всем, что дышит под луною,
Наполняет этот дом.
Вот вам семя, вот вам зелень,
Будет пища поделом.
Мужем, женскою сотворены,
Стали править тем столом.
Оглядев седьмого дня
Мирозданье целиком,
«Хорошо весьма!» — промолвил,
Усмехнувшись тишком.

День седьмой. Конец работе.
Мир достроен и обжит.

Почивать от дел великих
Сам создатель норовит.
Освятил субботний отдых,
Больше мастер не спешит.

Бытие, глава 2

День седьмой. Конец работе.
Мир достроен и обжит.
Бог склонился на субботе —
Ни гвоздя не вколотит.
Почивать от дел великих
Сам создатель норовит.
Освятил субботний отдых,
Больше мастер не спешит.

Вот происхождение неба,
Древних суши и воды,
В день, когда Господь для хлеба
Насадил в саду плоды.
Куст тогда еще не рос там,
Не пробился корешок,
Ибо дождь по дням и верстам
На поля идти не мог.
Только пар вставал туманом
Над равниной луговой,
Орошал лицо землицы
Утром раннею порой.

Создал Бог из праха глину,
Человека сотворил,
Вдунул в нос его дыхание —
Он глаза свои открыл.
Стал живой душою плотник,
Мастеров простых отец.
Сад насадит огородник
Для него на том конце,
В славном Едеме восточном,
Где прохлада и покой.
Дерево одно воочью
Там висит над головой:
Плод хорош — познаешь знание,
Что добро, а где беда.
А другое — жизнь за гранью,
Рядом с ним течет вода.

Из Эдема струи льются,
Реки водят хоровод.
Имя первой — Пишон вьется,

Золото Хавилы жжет.
Гихон землю Куш объемлет,
Хиддекель бежит к зверям,
Евфрат воду носит всем нам —
По четырем берегам.
Поселил Творец Адама
Возле древа сторожить,
Возделать руками прямо,
Каждым деревцем служить.
— От любого ешь растенья,
Что красуются в саду,
Лишь от этого ученья
Я руки твои сведу.
Ешь — узнаешь стыд и горе,
Смерть найдешь в одном плоде.
Будешь ты покорен воле,
Как положено беде.

Молвил Бог: — Не быть же деду
Без помощницы в дому!
Нехорошему соседу,
Старику одному!
Всех зверей полевых разом,
Птиц небесных без числа
Человек привел приказом,
Чтобы мудрость в них жила.
Как кого назвать захочет —
Так тому и имя быть.
Но среди волков рабочих
Не с кем кости перемыть.
Нет помощника под пару,
Что была бы по плечу.

Навел Бог на гостя чару —
Сон глубокий, я молчу.
Вынул ребрышко сквозь кожу,
Место мясом заложил.
— Будет женщина пригоже! —
Так Адаму доложил.
И привел ее под вечер.
Увидал старик жену:
— Это кость моих всех речей,
Плоть от тела притяну!
Назовем ее женою,
Ибо взята от мужчин.
Станут двое здесь весною
Одной плотью до седин.
Был нагим он, был одетым
Лишь сиянием небес.

И ходил пред Божьим светом,
И нисколько не зарделся.

Бытие, глава 3

Змей был хитрым из зверей,
Что в полях тогда гуляли.
Подползает он скорей
К той, что яблоки срывали.
— Правда ль молвил ваш Творец:
«Ни от ветки не берите»?
Отвечала наконец:
— Нам плоды даны, смотрите.
Лишь одно запрещено,
Чтоб мы к древу не ходили.
Нам касаться не дано —
Чтобы дней не сократили.

Усмехнулся скользкий гад:
— Нет! Не будете вы стары!
В день, когда возьмете плод,
Станете как младшие гусары.
Будете добро и зло
Различать умом пытливым.
Дерево вам подошло —
Смотрит яблоком красивым.
Взяла женщина его,
Надкусила осторожно.
Муж поел лишь одного —
Отказаться невозможно.

Тут у них открылись вдруг
Очи — поняли такое!
Лист смоковный жмут из рук,
Прикрывают всё нагое.
Ходит вечером Господь
По прохладному покою.
Жметса маленькая плоть
За орешинной густою.
— Адам, где ты? — тишина.
— Голос я твой здесь услышал.
Мне одежда так нужна,
Я тебя стыдом превыше.
— Кто сказал тебе про стыд?
Не отведал ли украдкой?
— Жена, что меж веток спит,
Дала яблоко со сладкой.
— Что наделала, жена?
— Змей шепнул на оба уха.

Тяжела теперь цена,
Наступает заваруха.
Меж травой и между ней
Положил Господь раздоры.
Жалить будешь до корней,
А она — топтать заторы.
Женщине прибавил Он
Скорби, муки и заботы.
Будет муж ей подчинен
До седьмого капли пота.

А мужчине приговор
Был суровее написан:
— Проклят будет каждый двор,
Корни вырвешь коромыслом.
Терний вырастет, бурьян,
Будешь плакать над пшеницей.
В прах вернешься, истукан,
Взят ведь глиной рукавицей.
Хлеб добудешь только в пот,
Дождаясь смертной дрожи.
Ибо прах — всему оплот,
Глина лезет вон из кожи.

Дал Адам супруге в дар
Имя новое для лада:
Ева. Жизнь пошла на старт,
Хоть из рая ждать досада.
Сделал Бог одежду им
Из бычачьих крепких кож,
Чтоб не мерзнуть молодым
Средь колючек бездорожья.

Молвил: — Стал он нынче мудр,
Как один из нас во знании.
Вдруг бессмертье переймут,
Жизнь продлив без увяданья!
И прогнал их за порог,
Кинув ангелов в дозоре.
Пламенеющий клинок
Замаячил в чистом поле.
Стал у Древа сторожить,
Чтоб никто не смел пробраться.
Где пришлось Адаму жить —
Там вовек ему остаться.

Бытие, глава 4

Адам Еву приобнял,
Ева сына родила.
«Человека Бог нам дал!» —
Мать с порога назвала.
А второго — Авеля.
Тот овечек пас в лугах,
Первый плуг на поле вел,
Пыль клубилась на ногах.

Время вышло. Каин взял
Сноп пшеницы полевой.
Авель первенцев пригнал,
Жирный тук неся с собой.
Бог на дым его взглянул —
Принял жертву пастуха.
Каин брови лишь согнул:
Не дошла его труха.
Осерчал он, нос повис,
Взгляд уперся прямо в грязь.
— Что грустишь ты? Оглянись!
Грех лежит у двери, злясь.
Он тебя к себе манит,
Но ты должен быть сильней.
Совесть правду говорит —
Прогони ее взашей!

Каин брата в поле звал:
— Выйдем вместе за межу!
Там ударил наповал,
Ярость выплеснув ножу.
Кровь впитала мать-земля,
Тело спрятала в пыли.
— Где твой брат? — спросил, пыля,
Голос Господа вдали.
— Я не сторож! — молвил тот. —
Мне ль считать чужую рать?
Но из почвы кровь ревет,
Вопль нельзя уже сдержать:
— Голос братьев всех сирот
Мне со стоном подает!
Проклят будешь от земли:
Что ни бросишь в борозду —
Корни сохнут там, в пыли,
Семя чахнет на беду.
Скитальцем пойдешь по свету,
Дрожь забьется у плеча.

— Слишком много казни нету! —
Каин вскрикнул сгоряча. —

От лица Твоего скрытый,
Будет каждый бить меня!
Сделал знак ему маститый,
От убийства заслоня:
— Семикратно тем воздастся,
Кто поднимет на тебя.

И ушел он прочь скитаться
(Знаменье нес на лбу),
В землю сумрачную Нод,
Где пустырьник ест гурьбу.
Там жену свою познал,
Город начал возводить.
По-сыновнему назвал —
Как Еноху должно жить.

Род пошел через века:
Ирад, Мехиаель вслед,
Мафусал и Ламеха
Доживет до наших лет.
Ламех двух имел жен —
Аду милую одну,
А вторую — Циллу он,
Полюбив ее вину.

Им хвалился бородач:
— Я убил мужей во гнев,
И зарезал свойский мяч
(То есть юношу) узрев.
Если Каину грозила
За убийство месть одна,
Мне отмстится всемеро,
Да еще семь раз сполна!

Снова Ева понесла,
Сифа-сына зачала:
— Вместо мертвого дала
Жизнь другого мне земля.
Сын у Сифа родился,
Имя дали — Енос тут.
Тут весь люд заторопился
Призывать Господний суд.

Бытие, глава 5

Вот родство от дней Адама,
Что по образу возник:
Муж с женой — одна программа,
Человек на краткий миг.

Сто тридцать годов он прожил,
Сына Сифа получил.
Восемьсот еще не бросил —
Дочерей и чад наносит.
Девятьсот и тридцать в сумме —
Был таков его предел.
Умер он в глубокой думе,
Как Господь ему велел.

Сиф жил век. И сына Еноса
Он на свет произвел.
Семь веков после вопроса
Род людской за ним пошел.
Девятьсот двенадцать в счете —
Сиф окончил путь земной.
Все они при том расчете
Уходили в мир иной.

Енос прожил девяносто,
Каинана народил.
Восемьсот лет слишком просто
Он сынов своих плодил.
Девятьсот и пять годочков —
Тоже лег под бугорок.
Не хватило даже ночек,
Чтоб продлить свой старый срок.

Каинан (семьдесят весен)
Малелеила зачал.
Восемьсот сорок уносит —
Никого не огорчал.
Девятьсот и десять ровно —
Жизнь свернулась, как веревка.
Смерть берет себе дословно
Каждого довольно ловко.

Малелеил шестьдесят пять
Ждал сыночка Иареда.
Восемьсот тридцать опять
Шла семейная беседа.
Восемьсот девяносто пять —
Старику закрыли вежды.
Время начало считать
На людей свои надежды.

Иаред сто шестьдесят два
Нянчил мальчика Еноха.
Восемьсот лет голова
Не боялась злого вздоха.

Девятьсот шестьдесят два года —
Долгий век для старика.
Всех их скроет мать-природа,
Хоть рука еще крепка.

А Енох ходил пред Богом.
Шестьдесят и пять — сынок
(Мафусал глядит из стога),
Двести лет еще не впрок.
Триста шестьдесят пять только
Прожил праведник тогда.
Взял его Создатель бойко —
Не оставил и следа.
Не ложился дед во гроб,
Не копал землицы яму.
Просто взял и сделал «топ» —
Прямо к Богу шел упрямо.

Мафусал Ламеха ждал
Сто восемьдесят семерик.
Семь веков потом рожал
Для пещер и дряхлых дырик.
Девятьсот шестьдесят девять —
Рекордсмен среди дедов.
Любо-дорого примерить
Столько съеденных пудов!

Ламех сыну дал зарок:
— Ной! Ты будешь нам утехой.
Проклял землю тяжкий рок,
Труд наш стал пустой потехой.
Ты утетишь нас в трудах,
Где растет один репейник.
Имя ты несешь в веках,
Мой единственный соплейник!
Сам же жил семьдесят семь
Лет и зим вдобавок дважды.
Семь десятков без проблем —
Умер все-таки однажды.

Ной разменял пятый век,
Трех сынов завел на диво:
Сим, и Хам, и Иафет —
Началось большое чтиво.

Бытие, глава 6

Люди множились на свете,
Дочек стали народять.

Тут небес заметили дети —
Красоту не удержать!
Сыны Божьи огляделись,
Взяли жен из дочерей.
От таких союзов грелись
Исполины у дверей:
Силачи, мужи бывшие,
Стародавней славы цвет.
Но дела пошли гнилые —
Ничего святого нет.

Молвил Бог: — Мой Дух навеки
Не стерпит людскую плоть.
Удлиняются их веки,
А пора бы укороть.
Сто и двадцать лет отныне
Будет жить любой чудак.
Мысли бродят по трясине,
Зло в сердцах сидит вот так:
Что ни час — одна затея,
Что ни шаг — сплошной разбой.
И раскаялся, жалея,
Что возился тут с землей.
— Истреблю зверей и гадов,
Птиц повыщиплю с ветвей,
Чтоб не видеть этих стадов
И бессовестных людей.

Лишь один ходил пред Богом
Правдой чистою дыша.
Был Ной стариком нестрогим,
Но светлела в нем душа.
Трех сынов имел для счета:
Сима, Хама, Иафета.
Но испортилась работа,
Почернела вся планета.
Растлилась земля до донца,
Наполнясь дурным добром.
Бог взглянул через оконце —
Все изврат кругом.

— Конец плоти! — молвит строго. —
Переполнилась вина.
Истреблю творенья много,
Разольется глубина.
Ты же, Ной, построй ковчег
Из смолистого гафера.
Чтоб водой не смыть ночлег,
Осмоли его серой.

Триста локтей будет в длину,
Пятьдесят — поперек стен,
Тридцать ввысь под неба смену,
Для спасенья всех замен.
Сделай крышу в локоть сводом,
Дверцу сбоку проруби,
Нижний ярус, средний, с ходу —
Третий тоже прикрепи.

Наведу потоп великий,
Всю дышалку погашу.
Рыбы, тигры, ежевики —
Всех под воду уложу.
Но с тобой завет поставлю:
Жены ваши и сыны
Эту баню не оставят,
Будут все сохранены.
Всякой твари взять велеваю
По одной мужской душе,
Парой каждой заправляю —
Пусть плодятся в шалаше.
Птиц, скотов и ползать зрячих —
Каждой масти по два лба.
Корма всякого кусачих
Загрузите про себя.

И как только дал команду,
Принялся старик за труд.
Топором прошел веранду,
Молотком прибил редут.
Сделал всё точь-в-точь по плану,
Как Создатель начертал.
Стал готовиться к туману,
К тем водам, что мир застлал.

Бытие, глава 7

— Ной! — сказал Господь. — За дело!
Ты один мне здесь не лжешь.
Забирай семейство смело,
Погублю я этот ложь.
А скота возьми для счета:
Чистых тварей ровно семь —
Самца с самкой для приплода,
Чтобы их доить и есть всем.
Нечистот бери по паре,
Птиц небесных тоже семь.
Пусть гуляют на базаре,
Когда высохнет совсем.

Семь денечков сроку хватит,
После хлынет водопад.
Сорок суток дождь охватит,
Сорок дней и сорок в ряд.
Будет лить без передышки,
Истребляя все подряд.
Шестьсот лет старик был слишком
Млад для этаких услад.

Вот вошли: жена и внуки,
Сыновья, невестки три.
Затворил Создатель руки —
Дверцу сзади заперри!
Твари лезли друг за другом:
Львы, верблюды и хорьки,
Ужи ползали по кругу,
В клетках бились голубки.
Как велел Отец Вселенной —
Парой каждой, пол к полу.
Запах сделался отменный
В тесноте, да не в углу.

Ровно через семь рассветов
Хляби бездны прорвались.
Из небесных кабинетов
Ливни наземь понеслись.
Сорок суток непрерывно
Полоскало небеса.
Стало мокро и противно,
Началась везде гроза.

Поднялась вода над сушей,
Ковш поплыл поверх волны.
Горы скрылись вместе с тушей
Необузданной страны.
На пятнадцать локтей выше
Всех вершин пошла вода.
Всяк, кто воздухом в ней дышит,
Не спасется никуда.
Умер скот, погибли птицы,
Люди, гады под водой.
Только те смогли укрыться,
Кто закрылся за кормой.
Сто пятьдесят дней держалась
Эта страшная беда.
Где земля вчера казалась —
Там соленая руда.

Бытие, глава 8

Вспомнил Бог про пассажиров,
Про зверей и про коров.
Дунул ветром что есть силы —
Потоп кончиться готов!
Окна в небе затворились,
Источился бездны дух.
Сто пятьдесят дней катились
Волны медленно на слух.
На горе Араратской,
В месяц номер семь как раз,
Ковш застрял в щели галантской —
Упирался целый час.

До десятого терпели,
Месяц шел за днем вослед.
В день десятый углядели:
Показался горный свет!
Сорок суток выжидали,
Ной окошко отворил.
Выпускать ворона стали —
Тот над лужами парил.
То присядет, то отчалит,
Не находит он земли.
Клюв напрасно не мочалил —
Снова сел на край щели.

После взял старик голубку,
Семь денечков подождал.
Ту отправил на закупку —
Где же суши пьедестал?
Прилетела — крыльев нету,
Места сесть не удалось.
Значит, плавает по свету,
Знать, воды еще небось.
Ручку Ной к ней простирает,
Вновь под крышу посадил.
Семь деньков еще считает —
Свежий лист ей раздобыл!
Масличный листок пахучий
Птица держит на весу.
Значит, лес стоит дремучий
На спасительном носу.

Снова выждал для порядка,
Голубя пустил опять.
Не вернулась та украдкой —
Можно палубу помять!

Год шестьсот прошел до крошки,
Месяц первый наступил.
Ной убрал с ковчега крышки —
Сушу ветер осушил.
А второго, двадцать семь —
Вот и высохла совсем.

— Выходите! — крикнул строго. —
Жены, дети и скоты!
Здесь закончилась дорога,
Здесь сбываются мечты.
Всех гадюк и пташек малых,
Всех четвероногих рать
Вывел вон из досок старых,
Чтоб плодиться им опять.

Ной алтарь сложил поспешно,
Взял скотины чистый сорт.
Запах пал так безмятежно,
Что смягчился Божий взор.
Принял жертву благосклонно,
Молвит сердцу Он Свою:
— Не губить определенно
Больше вотчину сию.
Хоть от юности порочен
Человек в своей душе,
Мир мой будет озабочен
Лишь погодою уже.
Сеять, жать, мороз и лето,
День и ночь — извечный круг.
Будет солнышком согрета
Земля пашнями вокруг.

Бытие, глава 9

— Ну-ка, дети! — молвил Бог,
Выйдя к Ною на порог. —
Плодородьте без оглядки,
Наполняйте все порядки!
Страх и трепет вам отныне
От мышей до царь-рыбы.
Все лежат в вашей гордыне,
Словно мертвые рабы.
Кушать можно что угодно:
Зверя, птицу и малька.
Как траву жует природно
На лугу коров щека —
Так и вам любая туша
Ныне будет за столом.

Лишь кровянку бить не слушай,
Не копайся в ней ножом.
Жизнь сидит в крови глубокой,
Я взыщу ее сполна.
Если братец твой жестокий
Пролил кровь — твоя вина
Отомстится той же мерой.
Кто убьет людей подряд —
Тот погибнет под химерой,
Что глаза его едят.
Вы плодитесь год от года,
Заселяйте шар земной.
Вот вам вечная свобода,
Вот вам договор со мной.

С вами всеми, кто из лодки,
Птицей каждой и скотом,
Ставлю подпись посередке:
Не топить вас впредь потом!
А чтоб помнили об этом,
Разглядев любую тучу,
Подпишусь цветным приветом —
Радугой на всякий случай.
Как нахмурит небо брови,
Семицветный мост блеснет.
Я припомню слово в слове —
И потоп нас не зальет.

У Ноя три сына было:
Сим, да Хам, да Иафет.
С них земля опять поплыла,
Возвращая белый свет.
Стал старик пахать землю,
Виноградных лоз нарвал.
Сделал винную водицу,
Лег в шатре, захрапывал.
Обнажился дед спросонок,
Тело выставил во тьму.
Младший сын его (подонок)
Посмеялся по всему.
Вышел вон и братьям хвалит:
— Батя голый там лежит!
Сим одежицу доставит,
Иафет плечо свербит.
Шли назад, смотря на пятки,
Чтоб лица не увидеть.
Накинули плащ-палатки,
Стали деда прикрывать.

Дед проснулся — вспомнил дело,
Что натворено в дому.
— Проклят Ханаан весьцело!
Рабство выпало ему.
Будет раб рабов он сроду
У своих родных дядьев.
Симу дам я в дар свободу,
Ханаану — сто плетей.
Бог Симов да возвеличит,
Благодать на нем живет.
Пусть Иафет землю кличет,
В шатровых Симах уснет.

Триста пятьдесят годочков
После дождика старик
Жил средь сыновей и дочек,
Но к закату дух поник.
Девятьсот и пять десятков —
Вот такой был долгий век.
Среди правнуков и грядок
Почивал тот человек.

Бытие, глава 10

Вот родство сынов почтенных:
Сим, Иафет и третий — Хам.
После вод обыкновенных
Разбежались по углам.
Стали семьи населяться,
Плод зачать в урочный час.
По языкам разделяться —
Так пошел расклад у нас.

Сыновья Иафета (восемь):
Гомер, Магог, Мадай, Иаван,
Фувал, Мешех. Всех их просим
Записать себе в карман.
Сын Гомера — Аскеназ,
Рифат с Фогармой на пару.
Иаван пустился в пляс:
Елиса, Фарсис к базару,
Киттим, Доданим-моряк
Заселили острова.
Каждый выучил язык
Для отдельного родства.

Хамов выводок нехилый:
Хуш, Мицраим, Пут, Ханаан.
У Хуша был зверь постылый —

Нимрод вышел из семян.
Был он ловчим знаменитым,
Зверя бил пред Божьих глаз.
Царством правил домовитым:
Вавилон, Эрех, Аккад.
Из земли Сennaар этой
Вышел Ассур-северянин.
Строит Ниневию где-то,
Калах ставит средь полян.
Между ними Ресен-велик —
Город больше всех столиц.
Мицраим же (список-тезка)
Людам Африки — как блиц:
Лудим, Анам, Легавим,
Патрусим, Кафторим.
От Каслухима гоним
Вышел филистимский дым.

А от сына Ханаана
(Тот Сидоном первым рос)
Род пошел сплошным туманом:
Хет, Иевусей, Аморрей,
Гергесей, Евей, Аркей,
Синей, Арвадей, Цемарей
И Химафей всех мастей.
Расселились хананеи
От Сидона до Лаши,
До Содома, что ржавее,
Где Гоморра хороши.

Дети Сима ждут привета:
Елам, Ассур, Арфаксад,
Луд, Арам — вот песня эта.
У Арама целый сад:
Уц, и Хул, и Гефер с Машем.
Арфаксад спустил Салу,
Тот рождает Еву нашу
(Через Салу похвалу).
У Евера два братишки:
Имя первому — Фалек
(В дни его земель излишки
Разделил двадцатый век).
А второй зовется Иоктан.
Этот парень плодовит:
Алмодада, Шалеф катят,
Хацармавеф вслед глядит.
Иерах, Гадорам, Дикла,
Овал, Уцал, Авимаил,
Шева, Офир (золотинка),

Хавила и Иовавил.
Жили все они толково
От горы Сефар впотьмах
До равнины, что готова
Высь держать на двух горбах.

Вот семейства Ноевы,
Их народы, языки.
Как грибы после дождя,
Земли стали велики!

Бытие, глава 11

На земле язык единый
Был у каждого лица.
Все слова — как пластилинны,
Понимают молодца.
С края света (ходят с востока)
В Сennaар пришли гурьбой.
Равнину нашли до срока —
Здесь поставим город свой!
— Наделаем кирпичей мы,
Обожжем в печах огнем.
Будут вместо валуевы
Стены класть одним днем.
А смолой земли тягучей
Заменяем известняк.
Строим башней выше тучи —
Подпираем зодиак!
Сделать имя чтоб навеки,
Чтоб отсюда не уйти.
Не рассеяться по свету,
Город новый обрести.

Бог спустился к этой стройке,
Глянул вниз на кирпичи:
— Вот народец! Видно, бойки,
Хоть кричи тут, хоть молчи.
Язык общий, мысль едина —
Что задумают, творят.
Не отстанут от картинок,
Пока башни не сгорят.
Ну-ка, спустимся пониже,
Перепутаем слова.
Пусть один другого ниже
Не поймет здесь существа.
Так и сделал. В ту минуту
Каменщик забыл раствор.
Штукатур рыдал под спудом,

Не закончив разговор.
Перестали строить стены,
Разбрелись кто куда смог.
От такой людской замены
Город «Вавилон» прилег.
(Означает: там Господь их
Языками баловал,
И оттуда всех бесплотных
По лицу земли прогнал).

Вот родство сыновьи Сима:
В сто годов родил сына —
Арфаксада. Мимо
Пролетели облака.
Сим потом еще пять сотен
Жил, рожая дочерей.
Арфаксад же беззаботен
Тридцать пять прожил вестей,
Каинана произвел он,
Триста тридцать лет потом
Салу дал, весьма тяжелого,
Четыреста три при том.
Сала жил тридцатник ровно,
Евер вышел из него.
Четыреста три укромно
Он растил детей всего.

Евер тридцать четыре года
Дал Фалеку жизнь обрести.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.